

**БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ И АЛЛЮЗИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КОНЦЕПТОВ ВЕРА VS. БЕЗВЕРИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. М. РЕМАРКА
«ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК»)**

Анастасия Геннадьевна Енекеску

аспирантка института филологии и массмедиа

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

248023, Россия, Калуга, ул. Степана Разина, 26

sonina.anastasiya12@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024

В представленной статье рассматриваются концепты «Вера (Glaube)» и «Безверие (Unglaube)» и выделяются их наиболее частотные значения (на материале романа Э. М. Ремарка «Черный обелиск»). Посредством анализа работ по творчеству Ремарка доказывается, что роман практически не исследован (как в отечественном, так и зарубежном литературоведении). На первом этапе проводится словарный и этимологический анализ составляющих концептов «Вера (Glaube)» и «Безверие (Unglaube)», а также рассматривается их этноспецифическое содержание через немецкую идиоматику. На втором этапе рассматривается текст романа на предмет наличия библейских образов, тем и аллюзий. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о значимости концептов для восприятия художественного целого произведения и интерпретации романа.

Ключевые слова: Э. М. Ремарк, концепт «Вера (Glaube)», концепт «Безверие (Unglaube)», образ, аллюзия, библейские темы.

Роман Эриха Марии Ремарка (Erich Maria Remarque, 1898–1970) «Черный обелиск» (*Der schwarze Obelisk*), увидевший свет в 1956, повествует о межвоенном времени – периоде между Первой и Второй мировыми войнами. «Черный обелиск» привлекает критиков и читателей до сих пор, в первую очередь тем, что в нем детально описан родной город писателя – Оснабрюк. Именно в нем Ремарк посещал католическую подготовительную школу, а затем католическую королевскую учительскую семинарию. Этот опыт автора и находит свое отражение в романе «Черный обелиск», в котором он обращается к актуальным, в первую очередь для себя, вопросам веры и безверия.

Следует отметить, что в зарубежном и отечественном литературоведении «Черный обелиск» практически не анализируется. В немецкой

исследовательской литературе, посвященной творчеству Э. М. Ремарка, большой интерес традиционно вызывают более ранние произведения писателя. Так, Уве Цагратски в статье о Ремарке и его британских критиках указывает на то, что наиболее рецензируемыми произведениями были «На западном фронте без перемен», «Возвращение» и «Три товарища» [Zagratzki 2000: 9–24]. Альфред Антковяк, немецкий литературный редактор и писатель, автор книги о жизни и творчестве Э. М. Ремарка, также рассматривает роман «Черный обелиск» с точки зрения реализованной в них художественной картины мира автора относительно общественно-идеологических вопросов, проблем товарищества и др. [Antkowiak 1983: 119–140].

Одной из русскоязычных работ, посвященных роману «Черный обелиск», является статья Б. Л. Сучкова, в которой он рассматривает роман как «антифашистскую сатиру» и повествование автора сквозь призму его отношения к войне, фашизму, экономическим потрясениям и другим социальным проблемам. Критик лишь вскользь упоминает, что герои романа «утратили веру в возможность частной, индивидуальной свободы и счастья в несвободном мире», «утратили веру в будущее», «разрушили братское доверие человека к человеку, любовь», как и сам автор [Сучков 1976: 139–174].

Таким образом, целью работы является анализ романа «Черный обелиск» сквозь призму «Вера» vs «Безверие» с использованием элементов лингвистического анализа, где в качестве инструмента исследования используется понятие «концепт». Под концептом мы вслед за Д. С. Лихачевым понимаем некое «алгебраическое» выражение значения, которым мы оперируем в устной и письменной речи, т. к., по мнению исследователя, охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Д. С. Лихачев также отмечал, что концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом [Лихачев 2015: 240–251].

В раскрытии понятийного слоя концептов «Вера» vs «Безверие» стоит первоначально обратиться к происхождению слова «Glaube» (вера). Согласно Этимологическому словарю немецкого языка, лексема «Glaube» – это производное существительное от глагола ‘glauben’ (средневерхненем. *gilouben* (VIII век н. э.)), который в свою очередь является префиксальным глаголом с аблаутом. Возможно, уже в дохристианское

время данный глагол обозначает доверительные отношения между человеком и языческим богом, так что выступает в миссионерском языке вместо греческого πιστεύειν (πιστεύειν) или латинского cōdere 'доверять, верить, считать достоверным' и может выражать отношение человека к христианскому Богу. До или незадолго до религиозного применения вероятно могло быть принято употребление этого слова в значении «положиться на человека, доверять ему». Из значения 'кому-то доверять относительно правдивости его высказывания' развивается значение 'считать что-либо достоверным', затем также 'считать возможным, предполагать, иметь в виду'. Лексема «Glaube», имевшая до XV в. также вариант «Glauben», происходит от древневерхненемецких gīlouba f. и gīloubo m. (VII век н. э.), затем в средневерхненемецком – g(e)loube f. m., что означает 'Vertrauen' (доверие), 'Zuversicht' (спокойная уверенность, оптимизм), 'innere Gewißheit von Gott' (внутренняя уверенность в присутствии Бога), 'religiöse Überzeugung' (религиозное убеждение), 'Bekenntnis' (вероисповедание, вероучение) [Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Glauben], [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Glaube]. Лексеме «Glaube» (вера) противопоставлена лексема «Unglaube» (безверие), которая образуется с помощью отрицательного префикса un-. Даются следующие определения слова «Unglaube»: сомнение в правильности чего-либо, истинности утверждения, неуверенность в чем-либо, в развитии чего-либо; отказ от религиозного вероисповедания [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Unglaube]. Примечательно, что, согласно корпусу словаря DWDS, частота употребления слова «Glaube» в 2 раза выше употребления слова «Unglaube».

Согласно толковому словарю Duden, значение слова «Glaube» определяется, как «эмоциональная, не определенная доказательствами, фактами или т. п. абсолютная уверенность, убежденность»; а также «религиозное убеждение», «религия, вероучение». [Duden Wörterbuch. Glaube]. Что касается толкования слова «Unglaube», то Duden дает два значения: «сомнение в правильности утверждения, оценки» и «сомнение в существовании, влиянии Бога, учении (христианской церкви)» [Duden Wörterbuch. Unglaube: URL].

Стоит также обратиться к пословицам, поговоркам и устойчивым выражениям для иллюстрации того, как концепт «Glaube» отражается в сознании немецкого народа. Например, словарь немецкой идиоматики дает следующие примеры: «Der Glaube versetzt Berge/kann Berge versetzen» (Вера горами двигает), «einer Sache Glauben schenken» (оказать доверие, отнестись с доверием), «Glauben finden» (приобрести доверие),

«in gutem\im guten Glauben» (из лучших побуждений) [Wörterbuch der deutschen Idiomatik 2013: 279].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, процессы человеческого мышления во многом метафоричны, т. е. концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры. Авторы утверждают, что суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида. [Лакофф, Джонсон 2004: 25–27].

Контекстуальный анализ романа Э. М. Ремарка, проведенный с учетом основного значения концептов «*Vera (Glaube)*» и «*Безверие (Unglaube)*» и многообразия смыслов, содержащихся в понятийном слое, позволил выявить наиболее частотные значения концептов:

- «*Glaube* – вера (доверие) человеку» vs «*Unglaube* – сомнение в правильности\правдивости сказанного»;
- «*Glaube* – вера в настоящее и будущее, оптимизм» vs «*Unglaube* – отсутствие доверия к существующему положению вещей или развитию чего-либо в будущем»
- «*Glaube* – вера в Бога» vs «*Unglaube* – неверие в Бога».

В настоящем исследовании концепт «Вера» vs «Безверие» рассматривается исходя из последнего, выделенного нами выделенного значения. Мы придерживаемся точки зрения О. Е. Похаленкова на структуру концепта, где центром (ядром) является понятийная составляющая, затем следуют образная, ассоциативная, и наконец, ценностная, которая, по мнению исследователя, является определяющей [Похаленков 2011: 33].

Анализируя образы в романе «Черный обелиск», а также возвращаясь к биографии самого автора, можно прийти к выводу, что роман во многом автобиографичен. Место, где происходит действие романа (локус) – фирма по установке надгробий «Heinrich Kroll & Söhne», здание которой некогда принадлежало церкви (где раньше жили **священники и церковные служащие**): «*Es hat, wie dieser Teil der Straße, früher einmal der Kirche gehört, die am Ende der Straße auf einem Platz steht. Priester und Kirchenangestellte haben in ihm gewohnt; aber seit sechzig Jahren ist es Eigentum der Firma Kroll*» [Remarque 1989: 31] («Как и весь этот квартал, он некогда принадлежал церкви, которая стоит на площади в конце улицы. В нем жили священники и церковные служащие; но вот уже шестьдесят лет, как он является собственностью фирмы Кроль» [Ремарк 2021: 31]). Как известно, сам Э. М. Ремарк посещал католическую школу, католическую препаранду, а затем и королевскую католи-

ческую семинарию. Ввиду этого в романе присутствует обилие ассоциаций с **католическими святыми** и другими компонентами **религиозной сферы**.

Повествование начинается с эпизода, в котором герой романа – Людвиг Бодмер – подсматривает в окно за соседкой Лизой. Лиза – роскошная женщина, кичащаяся своей красотой. Она предстает перед Людвигом в обнаженном виде, ее бюст будто сделан из ценнейшего первоклассного каррарского мрамора: «*Sie steht am Fenster mit ihrer schwarzen Ponyfrisur und ihrer frechen Nase und schwenkt ein Paar Brüste aus erstklassigem Carrara-Marmor herum wie eine Tante vor einem Säugling eine Spielzeugklapper*» [Remarque 1989: 8]. («Она продолжает стоять у окна, у нее черная челка, подстриженная, как у пони, дерзко вздернутый нос, и она поводит грудями, словно изваянными из первоклассного каррарского мрамора, точно какая-нибудь тетка, помахивающая погремушками перед младенцем» [Ремарк 2021: 9]). Главной героиней не может устоять перед искушением насладиться красотой Лизы, как не мог бы устоять и никто другой: «*Lisa ist das, was man ein Prachtweib nennt, und ich kenne einen Haufen Leute, die gern ein paar Millionen zahlen würden, um jeden Morgen einen solchen Anblick zu genießen. Ich genieße ihn auch <...>*» [Remarque 1989: 8]. («Лиза, что называется, «роскошная женщина», и я знаю многих, кто охотно платил бы по несколько миллионов за то, чтобы наслаждаться каждое утро подобным зрелищем. Я тоже наслаждаюсь <...>» [Ремарк 2021: 8]). В представленном отрывке образ Лизы ассоциируется с ветхозаветной **Вирсавией**, женщиной редкой красоты. Согласно Библии, царь **Давид**, прогуливаясь на крыше своего дворца, увидел внизу купающуюся Вирсавию. Однако, по преданию, Вирсавия не пыталась соблазнить царя Давида, в отличие от Лизы, которая демонстрировала свою красоту и обнаженное тело намеренно. Также, муж Вирсавии, Урия Хеттенянин, один из храбрейших воинов войска царя Давида, отсутствовал на войне, в то время как Давид встретил Вирсавию. В романе муж Лизы, забойщик лошадей Ватцек, аналогично отсутствует.

В конце эпизода с Лизой внезапно раздается **колокольный звон церкви Девы Марии**, которая расположена в конце переулка, он оглушает, точно валится с неба прямо в комнату: «*Plötzlich, als brächen irgendwo Schalldämme, beginnen die Glocken der Marienkirche zu läuten. Die Kirche steht am Ende der Gasse, und die Schläge dröhnen, als fielen sie vom Himmel direkt ins Zimmer*» [Remarque 1989: 9]. («Вдруг, словно где-то прорвав плотину тишины, зазвонили колокола церкви Девы Марии. Церковь стоит в конце улочки, и звуки так оглушают, точно валятся с неба прямо в комнату» [Ремарк 2021: 9]). В то же время герой видит

проплывающую лысину своего работодателя Георга Кроля и с облегчением отмечает, что ежедневное искушение Святого Антония для него еще раз преодолено: «*Gleichzeitig sehe ich vor dem zweiten Bürofenster, das nach dem Hof geht, wie eine geisterhafte Melone den kahlen Schädel meines Arbeitgebers vorübergleiten. Lisa macht eine rüpelhafte Gebärde und schließt ihr Fenster. Die tägliche Versuchung des heiligen Antonius ist wieder einmal überstanden*» [Remarque 1989: 9]. («В то же время я вижу, как мимо второго окна нашей конторы, выходящего во двор, проплывает, словно фантастическая дыня, лысая голова моего работодателя. Лиза делает неприличный жест и захлопывает свое окно. Ежедневное искушение Святого Антония еще раз преодолено» [Ремарк 2021: 9]). Людвиг Бодмер сравнивает себя со **Святым Антонием Великим**, который ушел жить в пустыню отшельником и боролся там с искушениями. Одним из самых сильных было искушение, когда **дьявол** ночью стал являться Антонию в образе женщины и пытаться его обольстить. Однажды, изнемогая от борьбы с помыслами, он воззвал: «Господи, я хочу спастись, а помыслы не дают мне». И вдруг увидел, что кто-то очень похожий на него сидит и работает. Антоний встал, помолился и опять сел за работу. «Делай так и спасешься», – сказал Антонию ангельский глас [Борисова: URL]. Таким образом, можно сказать, что дьявол в представленном эпизоде романа – это Лиза, а «лысина» Георга Кроля (т. е. предстоящая работа), работодателя Бодмера, спасла его от искушения, как когда-то Святого Антония.

Необходимо также упомянуть сцену разговора Людвиг Бодмера и Георга Кроля, где Лиза появляется в длинном шёлковом халате с попу- гаями, что во времена инфляции, в которые происходит действие романа, является несказанной роскошью: «“*Sieh das da an“; sage ich bitter. „Es sät nicht, es erntet nicht, und der himmlische Vater ernährt es doch. Den Schlafrock hatte sie gestern noch nicht. Seide, meterweise!*» [Remarque 1989: 12] («– Взгляни на это создание, – с горечью восклицаю я. – Оно не сеет, не жнет, но Отец Небесный все же питает его. Вчера у нее этого халата еще не было. Шелк! Несколько метров!» [Ремарк 2021: 12]). Халат, по словам Бодмера, Лиза получила от «**Отца Небесного**». Несомненно, что автор указывает на ассоциацию Лизы с **Марией Магдалиной**, которая во время омовения миром ног **Иисуса Христа** была роскошно одета, как полагается блуднице, с длинными распущенными волосами: «*Ich sehe aus dem Fenster, das zur Straße hinausgeht. Lisa trägt jetzt einen seidenen Schlafrock, mit Papageien bedruckt. Sie hat einen Spiegel an die Fensterklinke gehängt und bürstet ihre Mähne*» [Remarque 1989:

12] (*«Я выглядываю на улицу. Лиза стоит у окна, теперь она в шелковом халате, на котором изображены попугаи. Зеркало она повесила на шпингалет и приглаживает щеткой свою гриву»*) [Ремарк 2021: 12].

Появление одного из братьев, владельцев фирмы, Георга Кроля, как было отмечено ранее, сопровождалось оглушительным колокольным звоном. Появление же второго брата, Генриха Кроля – младшего, происходит по звонок велосипеда, на котором он приехал. Генрих описывается как «скромный **уполномоченный (администратор) Господа Бога**», в чем мы видим параллель с **апостолом Петром**, который в католичестве является обладателем Ключей Царства Небесного, что дает ему право открывать людям возможность «войти в царство Бога»: *«So, in der heutigen Aufmachung, wirkt Heinrich Kroll wie ein kleiner **Empfangschef des lieben Gottes** – und das ist genau, wie es sein soll»* [Remarque 1989: 14] (*«А в этой одежде Генрих Кроль поистине выглядит скромным уполномоченным Господа Бога – как оно и должно быть»*) [Ремарк 2021: 14]). Что примечательно, согласно Евангелию, один ключ у Святого Петра от ада, второй ключ от рая. Здесь же заключается метафора того, что Генрих Кроль явился с вестью, которая, по его мнению, должна была открыть им всем врата в **рай**: он продал самый дорогой, самый красивый, самый ценный памятник: *«“Ich habe das Kreuzdenkmal verkauft“, sagte er mit gespielter Bescheidenheit, hinter der ein gewaltiger Triumph schweigend brüllt»* [Remarque 1989: 14] (*«А я наш мраморный крест продал, – заявляет он с притворной скромностью, за которой чувствуется безмолвный рев торжества»*) [Ремарк 2021: 15]). Однако, ввиду инфляции, получилось, что Генрих одновременно открыл и ворота в **ад**, ведь деньги обесценивались с каждым днем, и, продав крест, тем более не взяв за него деньги вперед, фирма оказалась близка к банкротству: *«Wir leben im Zeitalter der Sachwerte. Geld ist eine Illusion; jeder weiß es, aber viele glauben es trotzdem noch nicht. Solange das so ist, geht die Inflation weiter, bis das absolute Nichts erreicht ist <...> Die dreiviertel Million, für die Sie heute verkauft haben, ist, wenn sie erst in zwei Monaten bezahlt wird, nicht mehr wert als heute fünfzigtausend Mark. Deshalb –»* [Remarque 1989: 19] (*Мы живем в век реальных ценностей. Деньги – иллюзия; каждый это знает, но многие еще до сих пор не могут в это поверить. А пока дело обстоит так: инфляция будет расти до тех пор, пока мы не докатимся до полного ничто <...> Те три четверти миллиона, за которые вы сегодня продали крест, если их уплатят только через два месяца, будут стоить не больше, чем сегодня пятьдесят тысяч марок. Поэтому...»*) [Ремарк 2021: 18]).

Библейская аллюзия встречается и в сцене, где после разговора с Генрихом, главный герой и Георг Кроль выходят на улицу, окидывая

взглядом сад с надгробиями, и останавливаются у того самого памятника, который совсем недавно был продан в убыток. Людвиг восклицает: «*“Fahre wohl, schwarze Diana!“ sage ich. „Dahin!“ und lüfte meinen Hut. «Es ist dem Poeten ewig unverständlich, daß auch vollkommene Schönheit den Gesetzen des Schicksals untersteht und elend sterben muß! Fahr wohl! Du wirst nun eine schamlose Reklame für die Seele des Gauerners Fledersens werden, der armen Witwen aus der Stadt ihre letzten Zehntausender für viel zu teure, mit Margarine verfälschter Butter entrissen hat – von seinen Wucherpreisen für Kalbsschnitzel, Schweinekoteletts und Rinderbraten ganz zu schweigen! Fahr wohl!“*» [Remarque 1989: 23] («– Счастливого пути, черная Диана, – говорю я и приподнимаю шляпу. – Прощай. Поэту вечно будет непонятно, что даже красота, отмеченная совершенством, подвластна, как и все, законам рока и также смертна! Счастливого пути! Отныне ты станешь бесстыдной рекламой для души скупердя Фледерсена, который отнимал у бедных городских вдов последние банкноты в десять тысяч за непомерно дорогие фальсифицированное масло — вернее, маргарин, не говоря уже о зверских ценах на иницеля, свиные отбивные и жареную телятину! Счастливого пути!» [Ремарк 2021: 22]). В приведенном отрывке Людвиг Бодмер называет памятник, который был самым роскошным из имеющихся у них в ассортименте, **Дианой**. Речь, вероятно, идет о **Святой Диане д’Андало**, католической святой, славившейся своей красотой. Известно, что Диана состояла в переписке с **блаженным Иорданом Саксонским**; его письма к ней – это поэма, полная сдержанной страсти. В своей речи главный герой иронично говорит о том, что поэту вечно будет непонятно, что даже совершенная красота подвластна законам рока и смерти и Диана (обелиск) станет бесстыдной рекламой для души скупердя Фледерсена, который отнимал у бедных городских вдов последние банкноты в десять тысяч за непомерно дорогие продукты низкого качества.

Одна из последних сцен второй главы является также символичной: «*Ein Vogel fängt plötzlich an zu singen. Es ist eine Drossel. Sie sitzt auf der Spitze des Kreuzdenkmals, das Heinrich Kroll verschachert hat, und hat eine Stimme, die viel zu groß ist für den kleinen schwarzen Ball mit dem gelben Schnabel. Sie jubelt und klagt und bewegt mir das Herz. Ich denke einen Augenblick daran, daß ihr Lied, das für mich Leben und Zukunft und Träume und alles Ungewisse, Fremde und Neue bedeutet, für die Würmer, die sich aus der feuchten Gartenerde um das Kreuzdenkmal jetzt heraufarbeiten, ohne Zweifel nichts weiter ist, als das grauenhafte Signal des Todes durch Zerhacken mit fürchterlichen Schnabelhieben – trotzdem kann ich mir nicht helfen, es schwemmt mich weg, es lockert alles auf, ich stehe auf einmal hilflos und verloren da und wundere mich, daß ich nicht zerreiße oder wie ein Ballon in*

*den Abendhimmel fliege, bis ich mich schließlich fasse und durch den Garten und den Nachtgeruch zurückstolpere, die Treppen hinauf, zum Klavier, und auf die Tasten haue und sie streichle und versuche, auch so etwas wie eine Drossel zu sein, und herauszuschmettern und zu beben, was ich fühle» [Remarque 1989: 36] («Вдруг начинает петь какая-то птица. Это дрозд. Он сидит на верхушке надгробия с крестом, которое Генрих Кроль так продешевил; у птички явно слишком большой голос для такого маленького черного шарика с желтым клювом. Этот голос и ликует, и жалуется, и хватает за сердце. И я думаю о том, что вот его песня мне говорит о жизни, о будущем, о грезах и обо всем том неведомом, необычном и новом, что меня ожидает; а для червей, которые вылезают из сырой земли и с усилиями взбираются на подножие памятника с крестом, для них эта песня — грозный сигнал смерти через четвертование свирепыми ударами клюва; и все же невольно она уносит меня, как волна, все растворив, и я стою беспомощный, растерянный, дивясь тому, что я не разорвусь или не взлечу, словно воздушный шар, в это вечернее небо; но наконец я все же прихожу в себя, спотыкаясь, бреду через сад и его ночное благоухание обратно в дом, по лестнице, к роялю, обрушиваясь на клавиши, ласкаю их, пытаюсь, словно дрозд, греметь и трепетать, чтобы выразить свои чувства» [Ремарк 2021: 35]). В данном эпизоде Людвиг Бодмер, вернувшись из ресторана, внезапно слышит потрясающей красоты пение. Это — **дрозд**, сидящий на верхушке надгробия с крестом, которое Генрих так неудачно продал. Главный герой, как замороженный, слушает пение этой птицы и в его голове мелькают мысли о смысле жизни и о смерти. Дрозд ассоциируется с дьяволом, который искушал **Святого Бенедикта**, являвшимся к нему именно в этом образе. Свое искушение Святой Бенедикт преодолел, бросившись нагим в колючие заросли кустарника. Также и Людвиг Бодмер, очнувшись от оцепенения, бросается из сада в дом, к роялю, хочет сыграть так же прекрасно, как пел дрозд, но понимает, что игра его отвратительна. Однако мысли о тщетности бытия и вопрос, зачем он живет, все так же мучают его.*

Таким образом, проанализировав первые две главы романа «Черный обелиск» на предмет библейских тем и аллюзий в рамках концептов «**Вера**» vs «**Безверие**», можно прийти к выводу, что **пересечение концептов** связано именно с иронией – католические святые и понятия из религиозной сферы, которые должны вызывать у читателя одни ассоциации, например, благоговейное отношение, впечатление кротости, святости, вызывают совершенно противоположные (богохульство) посредством образов, которые автор создал в своем произведении.

Список литературы

Большая российская энциклопедия 2004–2017. Концепт. Электронный ресурс. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2094246> (дата обращения: 27.09.24).

Борисова М. Испытания и подвиги святого Антония: в чем суть революции, которую совершил великий святой. 2022. URL: <https://foma.ru/iskusheniya-i-podvigi-svjatogo-antonija-v-chem-sut-revoljucii-kotoruju-sovershil-velikij-svjatoh.html> (дата обращения: 06.09.24).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем; пер. с англ. под ред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 240–251.

Похаленков О. Е. Концепт «Враг» в творчестве Э. М. Ремарка и советской «лейтенантской прозе» 1950–60-х гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Иваново, 2011. 224 с.

Сучков Б. Л. О книгах Э. М. Ремарка // Лики времени: Статьи о писателях и литературном процессе: в 2 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 2. С. 139–174.

Ремарк Э. М. Черный обелиск. М.: АСТ, 2021. 478 с.

Antkowiak A. Erich Maria Remarque: Leben und Werk. Westberlin: Verl. Das Europ. Buch, 1983. 163 S.

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Glaube. Электронный ресурс. URL: <https://www.dwds.de/wb/Glaube> (last accessed: 6.09.24).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Unglaube. Электронный ресурс. URL: <https://www.dwds.de/wb/Unglaube> (last accessed: 6.09.24).

Duden Wörterbuch. Glaube. Электронный ресурс. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Glaube> (last accessed: 6.09.24).

Duden Wörterbuch. Unglaube. Электронный ресурс. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Unglaube> (last accessed: 6.09.24).

Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Glauben. Электронный ресурс. URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/glauben> (last accessed: 6.09.24).

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Berlin: Dudenverlag, 2013. 928 S.

Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. 500 S.

Zagratzki U. Remarque und seine britischen Kritiker. Rezensionen und Korrespondenzen zwischen 1928 und 1938, Erich Maria Remarque Jahrbuch/Yearbook, X (2000). S. 9–24.

**BIBLICAL THEMES AND ALLUSIONS THROUGH THE PRISM
OF THE CONCEPTS FAITH VS. DISBELIEF
(BASED ON THE MATERIAL OF THE NOVEL
THE BLACK OBELISK BY ERICH MARIA REMARQUE)**

Anastasia G. Enechescu

Postgraduate student of the Institute of Philology and Mass Media
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
248023, Russia, Kaluga, Stepan Razin str., 26
sonina.anastasiya12@yandex.ru
Submitted 06. 11.2024

The presented article examines the concepts of "Faith (Glaube)" and "Disbelief (Unglaube)" and highlights their most frequent meanings (based on the material of E. M. Remarque's novel *The Black Obelisk*). Through the analysis of critical works on Remarque's books, it is proved that the novel has not been practically studied (both in domestic and foreign literary studies). At the first stage, dictionary and etymological analysis of the constituent concepts of "Faith (Glaube)" and "Disbelief (Unglaube)" is carried out, also their ethnospecific content is interpreted through German idiomatics. At the second stage, the text of the novel is examined for the presence of biblical images, themes and allusions. The analysis allows us to conclude about the importance of concepts for the artistic perception and interpretation of the novel.

Key words: E.M. Remarque, the concept of "Faith (Glaube)", the concept of "Disbelief (Unglaube)", image, allusion, biblical themes.

Прoсьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Енеческу А. Г. Библиейские мотивы и аллюзии сквозь призму концептов Вера vs. Безверие (на материале романа Э. М. Ремарка «Чёрный обелиск») // Мировая литература в контексте культуры. 2024. № 19 (25). С. 23–33. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-23-33

Please cite this article in English as:

*Enechescu A. G. Biblejskie motivy i allyuzii skvoz' prizmu konceptov Vera vs. Bezverie (na materiale romana E. M. Remarka «Chyornyj obelisk») [Biblical Themes and Allusions through the Prism of the Concepts Faith vs. Disbelief (based on the Novel *The Black Obelisk* by Erich Maria Remarque)]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 19 (25), pp. 23–33. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-23-33*